

Киплинг Редьярд

Волчий приемыш

Из Книги джунглей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р33

Р33 **Редьярд К.**
Волчий промысл: Из Книги джунглей / Киплинг Редьярд – М.: Книга по Требованию,
2025. – 312 с.

ISBN 978-5-519-89052-6

ISBN 978-5-519-89052-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

охотиться въ вашихъ краяхъ; и притомъ скоро—въ теченіе ближайшей луны. Такъ его Милость соблаговолилъ сказать мнѣ“.

Ширъ-Ханъ, про котораго говорилъ Табаки, былъ тигръ который жилъ по рѣкѣ Вайнь-Гангъ, верстахъ въ 20 -- 30 отъ мѣста пещеры.

„Онъ не имѣетъ на это никакого права!“ сказалъ Волкъ, не будучи въ силахъ удержать свой гнѣвъ. „По Законамъ Джунглей онъ не можетъ перемѣнить своего мѣста охоты, не предупредивъ заранѣе своихъ сосѣдей. Онъ распугаетъ дичь на десятки верстъ кругомъ; а мнѣ теперь приходится добывать пропитаніе за двоихъ“.

„Недаромъ его мать прозвала его при рожденіи Ленгри (хромоногій)“, болѣе спокойно замѣтила Волчица-Мать. „Отъ роду онъ хромаетъ на одну ногу, и потому охотится только на домашній скотъ. Онъ вывелъ изъ себя жителей деревень, по рѣкѣ Вайнь-Гангъ, а теперь думаетъ вооружить противъ Джунглей и *нашихъ* поселянъ. Выведенные изъ терпѣнія его разбоями, они примутся очищать джунгли отъ разбойника, который межъ тѣмъ преблагополучно переберется въ какое нибудь другое мѣсто, а намъ и нашимъ дѣтямъ придется отвѣчать за его разбой и удирать отъ огня, когда люди подпалятъ наши джунгли. Нечего сказать, есть за что благодарить твоего повелителя, Ширъ-Хана!“ сказала Волчица.

„Что же, быть можетъ, поручите мнѣ и передать его Милости ваши слова, вашу благодарность?“ слащаво прогнулъ Табаки.

„Вонъ! сію минуту вонъ! Прочь къ твоему повелителю!“ не могъ удержаться Волкъ-Отецъ. „Довольно съ тебя и тѣхъ мерзостей, которыя успѣлъ ты натворить въ эту ночь“.

„О, я конечно, пойду“, спокойно сказалъ Табаки. „Да вотъ и самъ ихъ Милость, владыка Ширъ-Ханъ; вы можете слышать его голосъ, доносящійся снизу изъ глубины чащи. Мнѣ, значить, можно было бы и не передавать вамъ извѣстія о прибытіи Ширъ-Хана“.

Волкъ-Отецъ сталъ прислушиваться. Дѣйствительно, снизу

съ 'глубины оврага, по которому протекала небольшая рѣка, доносилось отрывистое мяуканье раздраженного тигра, по которому можно было догадаться, что отъ 'него ускользнула его добыча. Тигръ въ такихъ случаяхъ нисколько не'стѣсняется о своей неудачѣ оповѣстить всѣ окрестности.

„Безумный“! сказалъ Волкъ. „Начинать свою ночную охоту такимъ шумомъ! Неужели онъ думаетъ, что наши лани похожи на его жирныхъ быковъ, которые пасутся по рѣкѣ Вайнь-Гангъ?“

„Шш! Нѣтъ, это не на быка и не на лань онъ охотится сейчасъ,“ тревожно сказала Волчица. „Онъ охотится на Человѣка!“ Мяуканье смѣнилось особымъ ворчаніемъ, которое, казалось, шло отовсюду, со всѣхъ концовъ окрестности. Это тотъ самый звукъ, который приводитъ въ ужасъ дровосѣковъ и цыганъ, которымъ случится проводить ночь подъ открытымъ небомъ. Этотъ звукъ заставляетъ ихъ въ ужасѣ вскакивать съ мѣста и бросаться невѣдомо куда, часто въ самую пасть тигра.

„Да, такъ и естъ! охотится на Человѣка!“ пробормоталъ Волкъ-Отецъ, оскаливая свои бѣлые зубы.

„Негодяй, развѣ не хватило для него лягушекъ въ болотѣ, что онъ вздумалъ закусить человѣкомъ, и притомъ въ чертѣ нашихъ владѣній!“

II.

Законъ Джунглей ничего не запрещаетъ, если нѣтъ достаточныхъ на то основаній. И этотъ Законъ запрещаетъ каждому обитателю Джунглей ловить и ѣсть человѣка; дѣлается только одно исключеніе: Законъ Джунглей разрѣшаетъ нападать на человѣка, чтобы показать дѣтямъ, какъ нужно охотиться; но тотъ, кто нападетъ на человѣка, не долженъ охотиться въ той мѣстности, гдѣ, обычно, охотится его племя. Основаніе для такого закона лежитъ въ томъ, что убійство человѣка всегда влечетъ за собой появленіе среди

Джунглей бѣлыхъ людей на ручныхъ слонахъ съ ружьями, а за ними сотни темнокожихъ людей съ гонгами, ракетами, факелами. Отъ этого нашествія страдаютъ поголовно всѣ въ Джунгляхъ. Но звѣри Джунглей иначе толкуютъ себѣ мудрый законъ. Они говорятъ, что человѣкъ—самое слабое и наиболѣе беззащитное существо, и потому уважающему себя охотнику неприлично нападать на такую дичь. Къ тому же,—прибавляютъ звѣри Джунглей—людоедъ скоро лысѣетъ и теряетъ зубы.

Ворчаніе стало слышно яснѣе и вдругъ закончилось оглушительнымъ рыканіемъ, которымъ сопровождается всегда прыжокъ тигра на свою жертву. Но вслѣдъ затѣмъ разнесся отчаянный вой, совсѣмъ не похожій на мощный голосъ тигра. „Ну, значитъ, неудача,“ сказала Волчица. „Что бы это могло значить?“

Волкъ-Отецъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ вдругъ услышалъ яростное завываніе Ширъ-Хана, который метался гдѣ-то въ гущѣ кустарника.

„Не иначе, какъ у этого дурака хватило глупости прыгнуть на костеръ дровосѣковъ и обжечь лапы,“ сказалъ, вернувшись въ пещеру, Волкъ-Отецъ. „Я видѣлъ при немъ Табаки.“

Волчица въ эту минуту насторожила уши и стала прислушиваться. „Кто-то подымается къ намъ снизу,“ тревожно сказала она. „Нужно быть наготовѣ.“

Изъ кустарника сталъ доноситься шелестъ, и Волкъ-Отецъ припалъ на заднія лапы, готовый къ прыжку. Онъ прыгнулъ, но самымъ необыкновеннымъ образомъ: сдѣлавъ прыжокъ, онъ въ то же мгновеніе захотѣлъ остановиться, и потому только подпрыгнулъ высоко на одномъ мѣстѣ. „Человѣкъ!“ пробормоталъ Волкъ: „Дѣтенышъ Человѣка, смотрите!“

Прямо противъ Волка стоялъ, держась за вѣтку, темнокожій ребенокъ, едва умѣющій ходить; совершенно голый малютка направлялся прямо къ волку; смотрѣлъ ему въ глаза и смѣялся.

„Это дѣтенышъ Человѣка?“ удивленно сказала Волчица.

„Вотъ онъ какой! А я никогда еще не видала человѣчьяго дѣтеныша. Принеси-ка его сюда.“

Волкъ привыкъ переносить своихъ собственныхъ дѣтей, схватывая ихъ зубами. Если нужно, волкъ можетъ взять зубами яйцо и не раздавить его. Поэтому, хотя челюсти Волка плотно схватили спину ребенка, но такъ, что не нанесли ему ни одной царапины. Принеся ребенка въ пещеру, Волкъ положилъ его у Матери, вмѣстѣ съ ея дѣтьми.!

„Какой онъ маленькій! Совсѣмъ голый, безъ шерсти! А какой смѣлый!“ сказала съ нѣжностью Волчица. Ребенокъ растолкалъ волчатъ и добрался до теплаго бока Матери-Волчицы. „Смотрите! Онъ сосетъ, какъ настоящій волченокъ. Ишь каковъ этотъ человѣчій дѣтенышъ! Едва ли была когда-нибудь на свѣтѣ волчица, которая могла бы похватать, что среди ея дѣтенышей былъ человѣкъ!“

„Нѣтъ, это бываетъ. Я какъ-то слыхалъ объ этомъ, но только это было не теперь и не въ нашей стаѣ“, возразилъ Волкъ-Отецъ. „Вѣдь подите, совсѣмъ безъ шерсти; одного прикосновенія моей лапы было бы достаточно, чтобы убить его; а между тѣмъ какіе у него смѣлые безбоязненные глаза!“

Вдругъ лунный свѣтъ, свободно проникавшій въ пещеру, сразу померкъ, и огромная квадратная голова тигра загрозила все отверстіе. Широкія плечи не позволяли ему пролѣзть глубже. Сзади тигра раздавался придавленный голосъ Табаки: „Мой господинъ! Сюда, именно сюда спрятался онъ! Я видѣлъ это собственными глазами, мой господинъ!“

„Ширъ-Ханъ оказываетъ намъ своимъ посѣщеніемъ великую честь“, спокойнымъ голосомъ, но въ которомъ сквозило сдержанное раздраженіе, проговорилъ Волкъ-Отецъ. „Чѣмъ мы можемъ услужить Ширъ-Хану?“

„Мою добычу! Подавайте сюда мою добычу! Здѣсь у васъ скрылся человѣчій дѣтенышъ!“ грубо прорычалъ Ширъ-Ханъ. „Его родители бросили его мнѣ и убѣжали. Такъ подавайте его мнѣ поскорѣ!“

Какъ догадывался Волкъ-Отецъ, такъ и было на самомъ дѣлѣ. Ширъ-Ханъ сдѣлалъ прыжокъ и попалъ въ костеръ, который развели проводившіе въ лѣсу ночь дровосѣки. Онъ сильно пожогъ свои лапы и черезъ это пришелъ въ ярость. Волки, однако, не очень испугались его появленія. Волкъ-Отецъ хорошо зналъ, что грузное тѣло звѣря не можетъ просунуться сквозь узкое отверстіе пещеры, въ которое входила только его широкая морда да переднія лапы. Ширъ-Ханъ не могъ бы достать ребенка даже въ томъ случаѣ, если бы, несмотря ни на что, рѣшился вступить въ бой съ волками.

„Волки—свободные жители Джунглей“, рѣзко отвѣтилъ Волкъ-Отецъ. „Они повинуются только одному вожаку своей стаи; и имъ нѣтъ дѣла до того, что нужно или ненужно какому-нибудь полосатому вору, таскающему телятъ. Дѣтенышъ человѣка—у насъ, и онъ нашъ; и достанется онъ никому другому, какъ намъ, если мы этого захотимъ“.

„Захотимъ или не захотимъ! Какое дѣло мнѣ до того, чего вы хотите или не хотите! Да долго-ли еще я буду здѣсь торчать у вашей собачьей норы и требовать моей законной добычи!? Развѣ вы не знаете, съ кѣмъ говорите? Предъ вами никто иной какъ я самъ, Ширъ-Ханъ!“

И пещера наполнилась громовымъ рычаніемъ разсерженного Тигра. Мать-Волчица рѣзкимъ движеніемъ стряхнула съ себя дѣтей и сдѣлала прыжокъ по направленію къ Тигру. Ея глаза загорѣлись въ темнотѣ пещеры зеленымъ блескомъ гнѣва и смѣло встрѣтили сверкающій взглядъ Ширъ-Хана.

„А ты знаешь, хромоногій убійца, кто предъ тобой!? Я—Ракша (злой демонъ) и повторяю тебѣ, что Человѣчій Дѣтенышъ у меня, и онъ мой! Нѣтъ, онъ не будетъ убитъ. Онъ будетъ жить, будетъ расти вмѣстѣ со Стаей; будетъ охотиться вмѣстѣ съ нею. И запомни теперь, ты, безстрашный охотникъ на маленькихъ, голыхъ дѣтей, ты—пожиратель лягушекъ, ты—рыбоѣдъ, запомни, что настанетъ часъ,

когда этотъ самый дѣтенышъ придетъ и убьетъ тебя! А теперь поторопись убраться. А не то, клянусь Самбуромъ, котораго я убила, (я вѣдь не ѣмъдохлыхъ телятъ), какъ бы тебѣ не пришлось вернуться къ себѣ еще болѣе хромымъ, чѣмъ ты былъ до сихъ поръ. Вонъ отсюда, поджаренная кошка Джунглей!”

Волкъ-Отецъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на свою Волчицу. Онъ почти забылъ тотъ день, когда онъ добылъ себѣ свою подругу, выдержавъ бой съ пятью другими волками. Тогда его подруга получила въ Стаѣ названіе Ракша за свою смѣлость. Теперь она оправдала свое имя. И Ширъ-Ханъ, который безъ всякой боязни выносилъ взоръ Волка-Отца, не могъ выдержать огненного взгляда Матери. Къ тому же онъ хорошо понималъ, что всѣ преимущества на сторонѣ Волчицы, если она вздумаетъ завязать смертный бой. Поэтому онъ поспѣшилъ освободить свою морду изъ отверстія пещеры; отойдя отъ входа онъ прорычалъ:

„Каждая собака огрызается у себя въ будкѣ. Мы посмотримъ еще, что скажетъ Стая, относительно Человѣчьяго Дѣтеныша. Дѣтенышъ мой, и ему все равно не миновать моей пасти. Помните это, вы, толстохвостые воры!”

III.

Волчица-Мать опустила, тяжело дыша отъ негодованія, среди своихъ дѣтей, а Волкъ-Отецъ сказалъ спокойнымъ, болѣе серьезнымъ тономъ:

„Ширъ-Ханъ на этотъ разъ сказалъ дѣло: Дѣтеныша придется показать Стаѣ. Думаешь-ли ты, мать, держать его при себѣ?”

„Не можетъ быть и вопроса“, проговорила Волчица. „Онъ пришелъ къ намъ ночью, одинъ, голодный; онъ не побоялся насъ! Смотри, вотъ онъ отодвинулъ въ сторону одного изъ моихъ дѣтей. А этотъ хромой мясникъ хотѣлъ было его

съѣсть, затѣмъ дать тягу назадъ къ Вайнъ-Гангъ; а намъ пришлось бы однимъ расплачиваться за него, когда жители деревень въ отместку прогнали бы насъ съ нашихъ мѣстъ! И ты спрашиваешь, оставлю ли я его при себѣ! Конечно оставлю.—Да ну же, лежи смирно, маленькій лягушенокъ! Такъ и быть, я стану тебя звать Маули—Лягушкой; придетъ время, и ты, Маули, станешь охотиться на Ширъ-Хана, какъ онъ охотился на тебя.“

„А что скажетъ на это наша Стая?“ сказалъ Волкъ-Отецъ.

Законъ Джунглей говоритъ совершенно ясно, что всякій подросшій волкъ, когда онъ находитъ свою подругу, можетъ оставить ту стаю, къ которой онъ принадлежитъ. Но когда его дѣти подрастутъ настолько, что начинаютъ бѣгать, онъ долженъ представить ихъ на совѣтъ стаи, для того, чтобы другіе волки стаи могли осмотрѣть и признавать ихъ. Такой совѣтъ собирается обыкновенно разъ въ мѣсяцъ въ лунную ночь. Послѣ такого осмотра молодые волчата могутъ свободно бѣгать, гдѣ имъ вздумается. А до тѣхъ поръ, пока такому волченку не удастся самостоятельно поймать свою первую добычу, не можетъ быть никакого оправданія для того волка, который-бы убилъ такого молодого подростка. Наказаніе бываетъ одно—смерть, если только удастся отыскать убійцу. Иначе и быть не можетъ.

Волкъ-Отецъ подождалъ того времени, когда его дѣти стали немного бѣгать, и въ одну изъ ночей повелъ ихъ на совѣтъ Стаи, вмѣстѣ съ Маули и съ Волчицей. Стая собиралась въ мѣстности, которая была извѣстна подъ названіемъ Скала Совѣта. Это была возвышенность, покрытая скалами и валунами, гдѣ могло размѣститься свободно до сотни волковъ. Акела, большой сѣрый Одинокій Волкъ, который былъ вожакомъ благодаря своей силѣ и опытности, лежалъ одинъ на своемъ камнѣ, вытянувшись во всю длину, а пониже размѣстилось до сорока или больше волковъ, разнаго роста и цвѣта, отъ сѣдыхъ ветерановъ, изъ которыхъ каждый одинъ могъ бы легко взвалить на спину и унести оленя, до

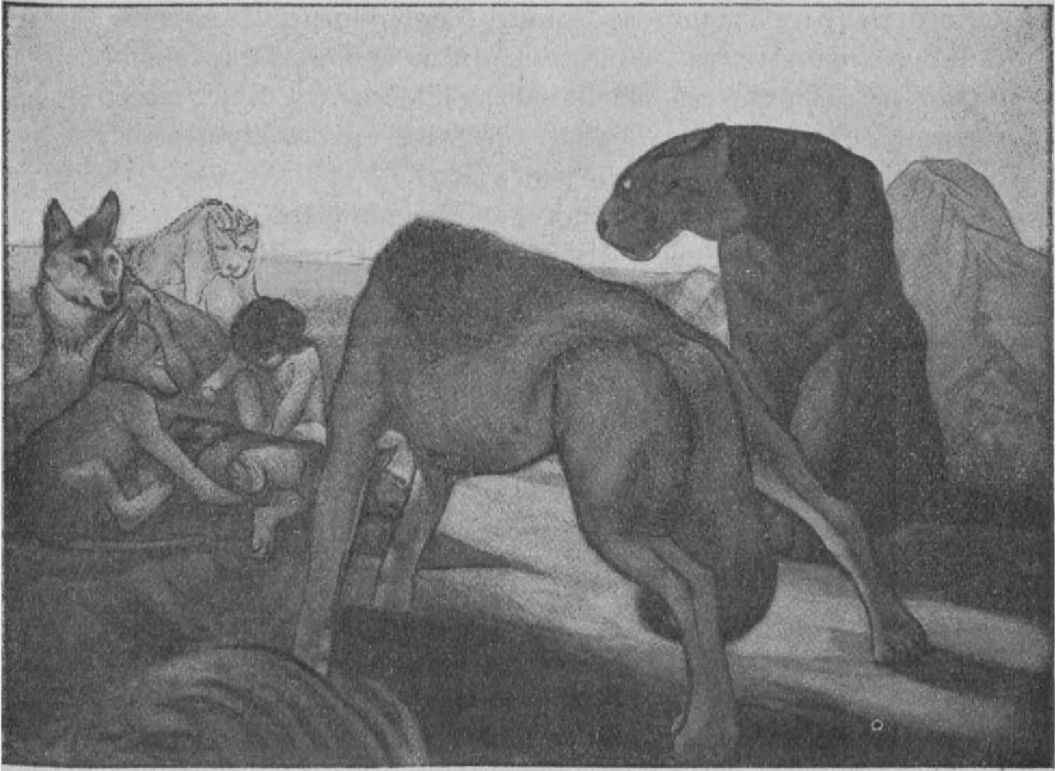
молодыхъ трехлѣтокъ, покрытыхъ почти черной шерстью, которые считали себя совсѣмъ взрослыми. Одинокій Волкъ былъ предводителемъ стаи уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ своей молодости онъ два раза попадалъ въ капканъ; однажды былъ избитъ до смерти и брошенъ, принятый за мертвого; такимъ образомъ ему лучше, чѣмъ кому другому въ Стаѣ были извѣстны нравы и обычаи людей. Молодые волчата, которыхъ привели для осмотра, были помѣщены по срединѣ круга, около своихъ отцовъ и матерей. По временамъ къ нимъ подходилъ то тотъ, то другой волкъ, присматривался къ нимъ, обнюхивалъ ихъ и возвращался на старое мѣсто. Кругомъ царило молчаніе, такъ какъ подходившіе волки не производили ни малѣйшаго шума. Временами мать подталивала котораго либо изъ своихъ дѣтей подальше отъ себя, гдѣ лучше свѣтила луна, чтобы подходившіе взрослые волки могли лучше его узнать. Среди торжественной тишины отъ времени до времени раздавался голосъ Одинокаго Волка, вожака стаи: „Вы знаете Законъ, Волки! Вы знаете Законъ! Осматривайте хорошенько, о Волки!“ а матери, озабоченныя судьбой своихъ дѣтей, только ворчали: „Осматривайте хорошенько, Волки, смотрите внимательнѣе!“

Пришла очередь и до Маули. Спина матери вся оцетинилась, когда Волкъ-Отецъ вытолкнулъ на лунный свѣтъ Маули. Ребенокъ усѣлся и сталъ беззаботно играть камешками, блестящими при свѣтѣ луны.

Акела, попрежнему, лежалъ на своей скалѣ, вытянувъ морду между лапами, не смотря ни на кого, и только протяжно выводилъ: „Вы знаете законъ! Осматривайте хорошо!“ Вдругъ изъ-за камней, ограждавшихъ мѣсто совѣта, раздался сдавленный ревъ—и всѣ узнали голосъ Ширъ-Хана: „Этотъ человѣчій дѣтенышъ принадлежитъ мнѣ. Какое дѣло свободному племени Волковъ до человѣчьяго отродья!“ Акела даже не дрогнувъ ушами, услышавъ голосъ Ширъ-Хана; онъ попрежнему выводилъ свое протяжное: „Смотрите хорошо, Волки! Вы знаете Законъ! Свободному племени нечего слу-

шать приказовъ отъ тѣхъ, кто не принадлежитъ къ племени! Смотрите хорошо, Волки!"

Тогда изъ заднихъ рядовъ разнеслось ворчаніе многихъ голосовъ, и одинъ изъ молодыхъ волковъ, которому шелъ четвертый годъ, выпрыгнулъ изъ-за спины Ширъ-Хана на середину и остановился противъ Акелы: „Но какое дѣло

Волки Сюшійской Стан осматриваютъ дѣтоньшей.

Свободному Племені до человѣчьяго отродья?" Законъ Джунглей говоритъ очень ясно: если зайдетъ споръ относительно того, принять-ли или не принять какого-нибудь изъ дѣтенъшей въ стаю, то за него должны говорить по крайней мѣрѣ двое присутствующихъ, кромѣ отца и матери.

Вдругъ среди тишины раздался голосъ, чуждый Стаѣ, принадлежавшій единственному жителю Джунглей, которому разрѣшалось имѣть голосъ въ совѣтѣ Стаи. Это былъ Балу, сонливый бурый медвѣдь, который обучаетъ молодыхъ волчатъ Закону Джунглей. Добродушному Балу разрѣшается бродить всюду, гдѣ ему угодно, такъ какъ онъ питается только орѣхами, корнями, да медомъ дикихъ пчелъ. Вотъ голосъ этого самага Балу и раздался въ защиту Человѣчьяго Дѣтеныша.

„Все слышу: человѣчій дѣтенышъ, да человѣчій дѣтенышъ! Какой намъ вредъ отъ Человѣчьяго Дѣтеныша? Я не мастеръ говорить, но я говорю правду. Пустите его въ стаю вмѣстѣ съ другими. Я берусь самъ учить его“.

„Нуженъ еще второй голосъ за Человѣчьяго Дѣтеныша“, сказалъ затѣмъ Акела. „Балу, учитель нашихъ дѣтей, высказался за Человѣчьяго Дѣтеныша. Кто еще, кромѣ Балу, станетъ говорить за него?“

Тогда въ средину круга, образованнаго волчьими фигурами, безшумно проскользнула длинная черная тѣнь. Это была Багира, Черная Пантера, вся черная какъ уголь, но съ замѣтнымъ пятнистымъ отливомъ, свойственнымъ всему роду Пантеръ. Всякій обитатель Джунглей зналъ Багиру, но никому не было охоты встрѣтиться съ нею на дорогѣ. Багира была столь же хитра, какъ Табаки, сильна какъ буйволъ, и безстрашна, какъ раненый слонъ. Однако голосъ у ней былъ слаще меда дикихъ пчелъ, а шерсть—мягка какъ нѣжный пухъ.

„О, Акела, и вы, Свободные Волки,“ мягко замурлыкала Багира, „я знаю, что не имѣю никакого права говорить въ вашемъ совѣтѣ; но я знаю, что есть законъ: когда возникаетъ споръ относительно принятія новаго дѣтеныша, то разрѣшается купить жизнь этого дѣтеныша, заплативши за него выкупъ. Такъ говоритъ законъ, но въ немъ ничего не говорится, кто можетъ или кто не можетъ внести этотъ выкупъ. Вѣдь правильно я толкую законъ, Свободные Волки?“

„Правильно! Правильно!“ раздались многочисленные го-